

Е Чанцзянь шёл рядом с ним, молчал некоторое время, а затем сказал:

— Тан Цзянли, Цюци талантлив. Ты можешь отправить его в Далёкие Облака и Воды раньше срока. В следующем поколении клана Танмэнь есть несколько одарённых учеников. Тебе стоит смягчить правила и позволить им учиться.

Его предложение было продиктовано желанием подготовиться к будущему. Только вырастив достаточно много талантливых учеников, они смогут противостоять другим кланам. Если говорить о единоборствах, то бояться нечего, но Тан Цзянли был слишком независимым и холодным, и три клана могли объединиться против него.

Тан Цзянли не ответил, но взял Е Чанцзяня за запястье.

Е Чанцзянь чуть не выпалил:

— Тан Цзянли, поехали со мной в Ночную переправу под звон ветра.

Но он сдержался и сказал:

— Завтра мы отправляемся в клан Тушань. Я хочу взять с собой Тан Ханьюя. Его судьба необычна, он идеальная жертва. Если я уйду, тот, кто скрывается в тени, может снова напасть на него.

Неизвестно, как Тан Цзянли убедил старейшин клана Танмэнь, но никто не спросил, откуда Е Чанцзянь знает о ритуалах призыва духов.

Тан Цзянли кивнул:

— Позже я поговорю с тётей.

Тан Жои, услышав это, явно обрадовалась и поблагодарила Е Чанцзяня. Ничто не могло быть важнее для неё, чем Тан Ханьюй.

Е Чанцзянь не ожидал, что Тан Цзянли тоже предложит отправиться с ними.

Тан Цюци, зная о его необычных способностях, не хотел с ним расставаться.

Е Чанцзянь спокойно сказал:

— Мы с тобой особенные. Я не могу научить тебя всему. Передать тебе «Опадающие цветы, встревожившие дождь», уже противоречит правилам моего клана. Тан Цзянли уже получил разрешение патриарха, ты можешь в любое время заходить в библиотеку и изучать древние книги о культивации. Усердно тренируйся, не подведи его.

Тан Цюци не понимал. Е Чанцзянь числился в клане меча, откуда тогда нарушение правил? Но, видя, что тот говорит серьёзно, он не стал спрашивать и торжественно кивнул:

— Я не подведу.

Они пришли вдвоём, а ушли вчетвером.

Янь Уюй развернул лист бумаги, провёл кистью, и на озере Чэн появилась изящная расписная ладья.

Тан Цюци смотрел с восхищением:

— Я тоже хочу создать что-то уникальное!

Е Чанцзянь потрепал его по голове:

— Создай древний артефакт.

Они поднялись на борт. Тан Жои, держа за руку Тан Ханьюя, мягко напутствовала:

— Слушайся господина Гу и своего кузена. Не будь упрямым и не создавай проблем, понял?

— Тётя, я понял.

Тан Жои поправила его одежду, зачесала волосы за ухо и похлопала по плечу:

— Иди.

Когда Тан Ханьюй поднялся на борт, Янь Уюй убрал якорь, и ладья медленно поплыла вперёд.

Тан Жои и другие члены клана Танмэнь стояли на берегу озера Чэн и смотрели, как они уплывают. Тан Цюци махал им рукой и кричал:

— Приезжайте снова!

Их фигуры становились всё меньше, превращаясь в точки, пока совсем не исчезли.

Янь Уюй зашёл в каюту и разложил бумагу для рисования. Тан Ханьюй сидел на носу ладьи в сине-белой форме, выпрямив спину. Прыщи на его лице исчезли, и он выглядел очень мило.

Тан Ханьюй сказал:

— Я поехал только потому, что так сказала тётя. Я не трус, и мне не нужна твоя защита!

Е Чанцзянь ответил:

— Хорошо.

Он просто согласился, не подтрунивая, что было для него необычно.

Тан Ханьюй удивился, но Е Чанцзянь продолжил:

— Тогда послушай её и сдерживай свой нрав.

Тан Ханьюй сказал:

— Я не буду сдерживаться, и что ты сделаешь?

Е Чанцзянь ответил:

— Ничего. Просто сорву с тебя лицо, выброшу за борт и оставлю умирать. Потом найду нищего, прикреплю твоё лицо к нему и отправлю его к Тан Жои, чтобы он заботился о ней вместо тебя.

Тан Ханьюй почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом, и закричал:

— Ты посмеешь!

Е Чанцзянь сказал:

— Посмотрим, посмею ли.

Янь Уюй вовремя высунул голову:

— Честно говоря, нет ничего, чего бы Юаньсы не смог сделать.

Их дуэт напугал Тан Ханьюя до полусмерти. Он боялся, что они действительно сделают что-то настолько ужасное. Убить его — это одно, но расстроить тётю — совсем другое. Его глаза наполнились слезами, и он посмотрел на молчаливого Тан Цзянли.

Тан Цзянли спокойно сказал:

— Не пугай его.

Е Чанцзянь сказал:

— Тан Ханьюй, если ты так заботаешься о своей тёте, то усердно тренируйся и не разочаровывай её. Если ты не перейдёшь черту, я буду защищать тебя.

Несмотря на свои семнадцать лет, он говорил с мудростью старца. В его глазах скрывалась внутренняя сила, которая пугала.

Солнечные лучи играли на поверхности воды, и они уже покинули пределы «Где некогда сияли радужные облака», войдя в воды озера Лицзэ.

Берега озера Лицзэ были оживлёнными, повсюду слышались голоса. Ивы склонялись к воде, и лёгкий ветерок создавал рябь на поверхности.

Янь Уюй выглянул в окно и увидел несколько красивых девушек, играющих на берегу. Их нежные голоса доносились время от времени.

Он кивнул:

— Все говорят, что на небе есть рай, а на земле — Сучжоу и Ханчжоу. Действительно, это так.

Е Чанцзянь сказал:

— На борту две красавицы, а тебе всё мало.

Янь Уюй бросил на него взгляд:

— Я не гомосексуалист.

Ночь была тёмной, как чернила.

Яркий лунный свет падал на поверхность озера, создавая лёгкую рябь.

Е Чанцзянь ворочался, думая о месте, куда они отправлялись, и это вызывало у него раздражение. В ушах доносился звук воды, ударяющей о берег.

В это время из соседней комнаты раздалась тихая и успокаивающая песня.

Сознание Е Чанцзяня постепенно затуманилось, и перед сном он подумал, что Тан Цзянли поёт довольно хорошо.

Прошлая жизнь. Ночная переправа под звон ветра.

Зал для гостей в бамбуковом доме.

Шэнь Моцин сказал:

— Два круга.

Дунфан Чжисю воскликнул:

— Понг! — Он выложил карту. — Старший брат, ты слышал слухи снаружи?

Е Чанцзянь равнодушно спросил:

— Какие?

Бай Есинь сказал:

— Там придумали тебе длинное прозвище: «Тот, кто поворачивает руку — и появляются облака, укрывает ладонь — и идёт дождь, призыватель тьмы со всех сторон, повелитель хаоса Е Чанцзянь».

— Ага.

Он лениво ответил, вытащил карту:

— Тридцать тысяч.

Бай Есинь сказал:

— Понг! Сорок тысяч.

— Ху!

Е Чанцзянь радостно выложил свои карты маджонга и протянул руку:

— Малый бизнес, кредитов не даю.

Дунфан Чжисю мягко сказал:

— Пятый брат, это уже четвёртый раз, когда ты позволяешь кому-то выиграть сегодня.

Бай Есинь с грустным выражением на милом лице положил слиток серебра в ладонь Е Чанцзяня:

— Моя месячная награда за уничтожение демонов...

— Братья, отдохните, выпейте суп из зелёной фасоли.

В этот момент раздался нежный голос, и в дверь вошла красивая ученица в красном.

Бай Есинь поддразнил:

— Старший брат, твоя поклонница пришла.

Услышав это, девушка покраснела и с кокетливым видом поставила полную миску супа из зелёной фасоли перед Е Чанцзянем.

Е Чанцзянь поднял миску и выпил залпом:

— Сяо Мань, твой суп из зелёной фасоли кажется вкуснее, чем у младшей сестры.

Бай Есинь сказал:

— Ты спас её от преследования, и теперь она использует все свои таланты, чтобы угодить тебе!

Е Чанцзянь ударил его по голове и бросил взгляд:

— Она чистая девушка, не порочь её репутацию.

Сяо Мань сказала:

— Если бы не старший брат, который заступился за меня, меня бы уже осквернили те испорченные ученики, и я бы, вероятно, уже не жила.

Е Чанцзянь сказал:

— Зачем говорить о смерти? Тьфу-тьфу-тьфу, детские слова не считаются.

Он несколько раз плюнул и сказал Сяо Мань:

— Теперь это твой дом. Если кто-то обидит тебя, бей их. Если не сможешь, скажи мне, и я их побью. Мы братья и сёстры, мы должны относиться друг к другу как к родным. Если не найдёшь меня, обратись к ним.

Он указал на Шэнь Моцина, Бай Есиня, Дунфан Чжисю и Янь Учана, который тренировался в искусстве управления громом за дверью.

Бай Есинь сказал:

— Если брат или сестра в беде, мы поможем!

Шэнь Моцин улыбнулся:

— В Ночной переправе под звон ветра, если кто-то обидит тебя, назови имя старшего брата, и они будут относиться к тебе как к божеству.

Дунфан Чжисю сказал:

— Если тебе станет плохо, приходи в северный двор, я тебя вылечу.

Все они относились к ней с теплотой и заботой. Сяо Мань была тронута, и её глаза наполнились слезами. Она скиталась с детства, одинокая и несчастная, когда же она получала столько искренней заботы?